

ВЗЯТИЕ ТЫМКАБЕРДА

Перевод П. Антокольский

ПРОЛОГ

Эй, молодежь, собирайся в круг!

Красавицы, ко мне!

Расскажет странник вам, ашуг,

О давней старине.

Друзья! Мы в жизни гости все.

Со дня рожденья мы

Бредем по суетной стезе,

И ждет нас царство тьмы.

Пройдет любовь, умрет краса,

Всему придет черед.

Для смерти смертный родился,

Деянье — не умрет!

Пойдет молва из века в век

Про добрые дела.

Бессмертен смелый человек,

Чьим подвигам хвала.

А злым деяньям суждены

Проклятья без конца,

Равно суровы для жены.

Для сына, для отца...

Но речь моя про доброту,

Да улыбнется всяк!

Кто не признает славу ту?

Воздаст ей даже враг.

Друзья, настройтесь песне в лад!

Запев недолог мой.
Как пулю, песню шлют. Крылат
Ее полет прямой.

I

Собирает орды шах Надир[55],
Раздается звон мечей.
Тучами он крепость заградил.
Что чернее всех ночей.
«Слушай, князь Татул, лихой боец!
С жизнью смертною простись,
Я принес в подарок твой конец.
Так спускайся с башни вниз!»
«Шах Надир! Не хвастай до поры! —
Отвечает смелый князь. —
Много черных туч окрест горы,
А гора сверкает, не склонясь ».
Витязей ведет он за собой,
Меч отточенный свистит.
Конь заржал. И прямо в смертный бой
С конницей Татул летит.
Сорок суток бились храбрецы,
Не смолкая бой кипел.
Крепостные высятся зубцы
Над кровавой грудой тел.
Вышел весь Иран и весь Туран.
Звон мечей немилосерд.
Бьет и бьет по крепости таран,
Но не дрогнул Тымкаберд.
И, в победной радости клонясь,
Возвращаясь в замок свой,

Целовался утомленный князь
С черноокою женой.

II

«Клянусь душой,
С такой женой
Бойцом бы стал ашуг!
И, не дрожа,
Не взяв ножа,
На шаха б встал ашуг.
О, жар любви,
Огонь в крови.
Лишь усмехнется взор —
И сумрак прочь,
И сразу ночь
Сияет ярче зорь...
Залог побед
Тех уст привет, —
Нежнее роз уста.
Услышь — и страх,
И смерть, и шах
Исчезнут без следа».

III

И у шаха уже не смолкает в ушах,
Как прославили эту армянку друзья.
«С ней и гуриям нашим иранским, о шах,
Ни красой, ни осанкой сравниться нельзя!
Дочерьми черноокими славен Джавахк.
В черном омуте глаз не один потонул:

Вот она — словно кряж в снеговых кружевах,
У джавахских предгорий высокий Абул.
Это князя Татула и мощь, и душа.
И от знойных, от розовых губ охмелев
И пьянея любовью, встает он, круша,
В гущу брани бросается он, будто лев.
Завладей этой женщиной, шах, и Татул,
Обессиленный, сдастся, не встанет с колен;
Тымкаберд, что так долго ярмом не согнул,
Ты согнешь до земли и возьмешь его в плен».

IV

Мы с юности помним о песне твоей,
Не раз ты певал, Фирдуси-соловей:
«Герой, безупречный в отваге своей,
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!
Ты светел, как солнечный ясный зенит.
Ты горд и незыблем, как горный гранит,
Кто наземь повергнет и в прах превратит?
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!
Выходишь на битву и пляшешь, смеясь.
Не ходишь — летаешь, в просторы смотрясь.
Но с облачной выси ты свалишься в грязь!
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!
Весь мир в рукопашной — тебе одному.
Ты воли не сдашь никакому ярму.
Ты встанешь, Рустему[56] грозя самому.

Не молись на жену,
Не вверяйся вину!»

V

Шах отправил ашуга в нагорный Тымук.
«Достучись, чарователь, до той госпожи!
О любви моей спой, об огне моих мук,
И про мощь и про славу мою расскажи!
Обещай госпоже мой престол золотой!
Пусть звенит у нее от желаний в ушах!
Обещай ей всё то, что жене молодой
В силах дать очарованный женщиной шах!»
И куда не пробиться свирепым бойцам,
Там желанен ашуг, там звенит его саз[57].
Все приветствуют бедного странника там.
Он пришел к Тымкаберду в предутренний час.

VI

А над крепостью вновь содроганье и гул.
И стоит против шаха Татул, как вчера.
Бьются витязи шаха, — не дрогнет Татул.
Кровь потоками хлещет и бьет, как Кура.
Бьются насмерть, сшибаются
витязи вновь.

Хлещет кровь, словно горная в пене река.
И ашуг запекает про шаха любовь,
Как богат его шах, как страна широка.
Слышит песнь молодая Татула жена.
И томит ее тайна, гнетет ее стыд.
И соблазном предательским поражена,

И мечтает о царстве, и ночи не спит.
«Внемли, красавица, внемли!
Ты несравненна и сладка.
Шах — повелитель всей земли,
Могучи шаховы войска.
Но, как и мы, душой он слаб
И любит женщин молодых.
Как диадема подошла б
К тебе, владычица владык!»
Слышит песню ашуга, не спит госпожа
Столько дней и ночей, столько дней и ночей!
И задумчиво ждет, и бледнеет, дрожа,
И дремота бежит от прекрасных очей.

VII

Битва кончена. Князь возвращается вновь.
Возвращается с войском могучий Татул,
И с кривого клинка оттирает он кровь.
И в Тымуке движенье и праздничный гул.
Там устроила пир госпожа. И пока
Темнота на земле, там пируют всю ночь.
Льются вина, как горная в пене река.
Весь Джавахк на пиру, и подняться невмочь.
Госпожа угощает гостей дорогих,
Наблюдает за пиршеством зорко она,
Чтоб веселье росло, чтобы говор не стих.
Чтобы пили глубокие чаши до дна:
«Сдвигайте, гости, чаши в круг
И пейте до конца!
Да будет славен мой супруг

По милости творца!
Эй, пусть господь его хранит!
Пусть будет меч остер!
Пусть нас навеки осенит
Могущества шатер!»
Гремит Тымук средь мощных гор.
Отгул далече раздался.
Не молкнет песня, дружен хор,
Грозны мужские голоса.
«То сквозь тучу не с гор опустился орел
На прямых, на широких, на плавных крылах.
Славный князь Тымкаберда на землю сошел,
На врагов нагоня смятенье и страх.
То не туч грохотанье в расщелинах гор,
Не блеснула свирепая молния там, —
Это схватка Татула в расщелинах гор,
Это сабля Татула, сверкнувшая там.
Не сравнится нагорный орел с храбрецом, —
Шах пред ним растеряется, дрогнув лицом».
Всё беспутнее пир, всё пьянее поток.
Брызжут вина Кахетии, чаши звончей.
Гости пьют за растущий на скалах цветок —
За свою госпожу, за утеху очей.
Пьют здоровье и честь храбрецов дорогих,
Что для ближнего жизни в бою не щадят...
Пьют за славу живущих и в память других,
Тех, что с неба на жаркую битву глядят.
Госпожа угощает гостей дорогих,
Наблюдает за пиршеством зорко она,
Чтоб веселье росло, чтобы говор не стих,

Чтобы выпили полные чаши до дна.

«Свидетель бог, твое вино

Всё выпито до дна.

Мы до краев полны давно.

Мы пьяны допьяна!»

И стих чертог. И черен стал

Зубцов немой венец.

Татул с дружиною устал.

Храпят. Храпят. Конец.

VIII

Под зловещими сводами еле видны.

Спят вповалку, повержены ниц.

И витают, витают их тяжкие сны,

Вьются тяжкие сны чередой верениц.

Снится, снится Татулу — мутит его мрак,—

Снится, будто вползает на башенный мост

Змей кольчатый, дракон. Обвивается враг

Вкруг стены крепостной и кусает свой хвост.

Подымается медленно чудище.

Вот Запрокинулось черной своей головой.

Голова уже с башнями вровень плывет

И глядится в Татулов чертог огневой.

И как будто Татул не один в эту ночь.

И как будто с женою любимой он,

И как будто он молвит: «Привстань, чтоб помочь,

Я дракона убью, я прерву этот сон!»

Так Татул говорит. Но, взглядевшись, дрожит.

Ибо чувствует он сквозь смятение и муть.

Что не с милой женой, как бывало, лежит,

Что вдавилась драконья глава в его грудь.

IX

Страхните сон! Всмотритесь в ночь.

Хоть и темным-темна...

Чья это тень метнулась прочь,

Не знающая сна?

Иль то отчаявшийся враг,

Победой не кичась,

Предательски глядит во мрак,

В ночной, могильный час?

Сомкнитесь, воины, в цепи!

Здесь бродит человек!

Эй, стража львиная, не спи!

Ты всё проспишь навек!

Вас опоила госпожа.

Чтоб дверь открыть врагам!

И дверь откроется визжа,

За дверью свист и гам.

Встань! Там измена! Напролом!

В бой! На коней! Вперед!

И лязгает железный лом

В тугой затвор ворот.

X

Ясный день открывает большие глаза,

И опять он глядится на мир, на Джавахк.

А над крепостью отбушевала гроза, —

Всё в развалинах, в дымных густых кружевах.

Упоенные славой побед и вином,

Крепко спят и войска. И отважный Татул
Беспробудным, навек обнимающим сном.
Не узнав об измене, навеки уснул.
Перед шахом, пред сумрачным взором его.
Пир вчерашний, и чаши, и снедь на столах...
Сиротеющий трон. Всё черно и мертво.
Кончен пир. И о бренности думает шах.
Всё пройдет. Всё изменит. Всё тщетно, как дым.
Так не верь ничему, не вверяйся душой
Ни счастливым часам, ни удачам своим,
Даже чаще, что подана милой женой!
И горчайшее слово он
молвит: «Скажи,
Госпожа Тымкаберда! Бледна ты, как мел,
Черноокая женщина, полная лжи!
Разве не был твой муж и прекрасен, и смел?»
— «Он прекраснее был, и смелей, и честней
Всех на свете, мой мертвый владыка и муж!
Он предательством женским не брал крепостей!
Никогда он обманщиком не был к тому ж!»
Так ответила. И, разъяренно рыча,
Содрогаясь всем телом, как бешеный зверь,
Шах поднялся и крикнул: «Позвать палача!»
Только крикнул — тотчас открывается дверь.

XI

Весь в красном с головы до пят,

В чертог палач вошел.

Из этих сумрачных палат

Он женщину увел.

Ее привел он на скалу,
Что и сейчас видна,
И сбросил женщину во мглу,
Где не достанешь дна.
Дрались волчица и лиса,
В ущелье труп грызя.
Стервятник хищный сорвался,
Ей выклевал глаза.
И та, чьи очи так нежны,
Чьи так влажны уста,
Цветок неслыханный весны —
Исчезла без следа.
И мощный шах прошел, как дым,
Со славой ратных дел.
Татул, что был непобедим,
Покинул наш предел.
И лишь одно дошло до нас
Предание о них.
Не смолкнет памятный рассказ
И для времен иных!

XII

Эй, молодежь, собирайся в круг!
Красавицы, ко мне!
Расскажет странник вам, ашуг,
О давней старине.
Друзья! Мы в жизни гости все.
Со дня рожденья мы
Бредем по суетной стезе,
И ждет нас царство тьмы.

Но нас дела переживут —
Злой, доброй ли молвой.
Блажен, кто безупречно тут
Весь путь проходит свой!